

Игорь Сухих

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ВСЕХ
ОТ ТОЛСТОГО ДО БРОДСКОГО

К 1572317

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабусина

Николай Михайлович Рубцов

(1936–1971)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1936, 3 января — родился в Архангельской области.

1943–1950 — жил в детском доме в селе Никольское Вологодской области.

1956–1959 — военная служба на Северном флоте.

1959–1962 — жизнь в Ленинграде, работа на Кировском заводе, учеба в вечерней школе.

1962–1968 — учеба на дневном (1962–1964) и заочном (1966–1968) отделении Литературного института.

1966 — первый сборник «Лирика» (Архангельск).

1966–1967 — странствия по России: Вологда — Барнаул — Москва — Волго-Балтийский канал — Вологда.

1968 — сборник «Звезда полей» (Москва).

1970 — последняя прижизненная книга «Сосен шум».

1971, 19 января — погиб в Вологде.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ РУБЦОВА

ИСТОКИ: МЕЖ ЕСЕНИНЫМ И ТЮТЧЕВЫМ

Николай Михайлович Рубцов, как Твардовский, как Шукшин, как ранее Сергей Есенин, пришел в русскую поэзию из деревни. Но его жизнь сложилась еще драматичнее, чем жизнь многих его собратьев из крестьянской среды.

Рубцов позднее вспоминал в стихотворении «Детство»:

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скучную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жиле
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Все переменялось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик «Скорей!»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

С этих пор и почти до конца короткой жизни он не имел своего пристанища: жил в рабочих и студенческих общежитиях, в коммунальных и чужих квартирах. «После детского дома, так сказать, дом всегда был там, где я работал или учился. До сих пор так», — лаконично, без жалоб говорит поэт в автобиографии («Коротко о себе»).

Хотя Рубцов родился в Архангельской области, на знаменитом архангельском тракте, по которому когда-то ушел в Москву М. В. Ломоносов, своей настоящей родиной он считал другой северный край, Вологодчину.

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься...
Пусть все это длится и длится!

(«Тост»)

Хотя проклиная проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

(«Родная деревня»)

В селе Никольское, где находился детский дом (в стихах Рубцова оно превратилось в деревню Николу), будущий поэт окончил не только начальную, но и школу-семилетку. Сохранилось его выпускное сочинение на тему, которую уже сто лет «раскрывают» школьники: «Образ Катерины по пьесе А. Островского „Гроза“».

Стихи Рубцов начал писать рано. Сначала — под влиянием «крестьянских поэтов» вроде И. Сурикова (его стихи о деревенском детстве, как и драму Островского, тоже читали школьники нескольких поколений). Но позднее, в юности, его ориентиром стал С. Есенин. Поэт часто упоминается в рубцовских стихах.

В стихотворении так и названном, «Сергей Есенин», Рубцов говорит о прямой связи собственных творческих принципов с есенинской музыкой.

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

У Рубцова есть стихотворение и об этом поэте. Привычно, в духе представлений советской эпохи, противопоставив Тютчева «высшему свету», он все-таки выделил в его творчестве главное: природность, «нерукотворность» (использував, между прочим, один из любимых тютчевских глаголов):

А он блистал, как сын природы,
Играя взглядом и умом,
Блистал, как летом блещут воды,
Как месяц блещет над холмом!

(«Приезд Тютчева»)

Меж Есениным и Тютчевым, с памятью о Пушкине, Лермонтове, символистe А. Блоке и «проклятом поэте» Ф. Вийоне выстраивается художественный мир Николая Рубцова.

ДРАМА: ПЕЧАЛЬ ПОЛЕЙ

Николая Рубцова часто называли певцом деревни. Действительно, северный сельский пейзаж — лес, река, высокое небо, размытая дорога, разрушенная церковь, маленькая деревушка, продуваемая ветром, поливаемая дождем или засыпанная снегом, — является основой его стихотворений, его доминантным хронотопом.

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет —
Позднее время — спешат запоздалые дроги.

(«У размытой дороги», 1969)

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!

(«Ночь на родине»)

Причем в этом пейзаже сквозь приметы современности обычно просвечивает история, события далекого прошлого оказываются на расстоянии вытянутой руки. Поэт не только хорошо видит пространство, но и взглядом пронзает время.

Рубцов иногда откликается на современные проблемы, описывает новые советские реалии:

Загородил мою дорогу
Грузовика широкий зад.
И я подумал: «Слава богу,
Село не то, что год назад».

Теперь в полях везде машины.
И не видать плохих кобыл.
И только вечный дух крушины
Все так же горек и уныл.

(«Загородил мою дорогу...»)

Но вот лирический герой другого стихотворения взбегает на холм и мгновенно оказывается в другом времени:

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах.
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батяя...

(«Видения на холме», 1962)

Память для Николая Рубцова оказывается не менее важным источником поэтического творчества, чем зрение. «Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического. Все, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад», — признавался поэт («Коротко о себе»).

Однако, отталкиваясь от деревенских реалий, от сельского пейзажа, увиденного во всю его историческую глубину («Мать России целой — деревушка, / Может быть, вот этот уголок...» — «Острова свои обогреваем»), Рубцов создает иную, по-тютчевски обобщенную картину жизни. «Особенно люблю темы родины

и скитаний, жизни и смерти, любви и удали», — описывает он наиболее значимые для себя поэтические мотивы («Коротко о себе»).

Удаль появляется в его стихах, но как редкое, исключительное свойство, чаще всего в юмористическом освещении.

Раннее стихотворение он начинает в духе романтической лирики, изображая бешеную скачку на любовное свидание (экий Печорин!), упоминая и персонажа лермонтовского романа, и имена своих ленинградских друзей-поэтов:

Эх, коня да удаль азиата
Мне взамен чернильниц и бумаг, —
Как под гибким телом Азамата,
Подо мною взвился б
аргамак!

Как разбойник,
только без кинжала,
Покрестившись лихо на собор,
Мимо волн Обводного канала
Поскакал бы я во весь опор!

Мимо окон Эдика и Глеба.
Мимо криков: «Это же — Рубцов!»
Не простой,
возвышенный,
в седле бы
Прискакал к тебе, в конце концов!

Однако воображаемый подвиг не восхищает ироническую девушку, встречающую героя насмешкой (за которой, вероятно, скрыто равнодушие к его чувству):

Но, должно быть, просто и без смеха
Ты мне скажешь: — Боже упаси!
Почему на лошади приехал?
Разве мало в городе такси? —
И, стыдясь за дикий свой поступок,
Словно Богом свергнутый с небес,
Я ответчу буднично и глупо:
— Да, конечно, это не прогресс...
(«Эх, коня да удаль азиата...», 1961)

Автор стихотворения тоже посмеивается над героем: об этом говорят и обыгрывание прямого и переносного смысла слова «возвышенный», и намек на павшего ангела, сброшенного Богом на землю.

Другие же перечисленные мотивы действительно становятся доминирующими у поэта. Рубцов, как и многие, сочиняет стихи о любви, пишет о жизни и смерти. Особое место в его лирике занимает дорога. Дорожные стихи составляют большой цикл. Образ странника-скитальца, вырастающий из биографии поэта, объединяет многие другие темы и мотивы.

«Топ да топ от кустика до кустика — / Неплохая в жизни полоса. / Пролегла дороженька до Устюга / Через город Тотьму и леса» («Подорожники»).

«Размытый путь. Кривые тополя. / Я слушал шум — была пора отлета. / И вот я встал и вышел за ворота, / Где простирались желтые поля...» («Отплытие»).

«Как царь любил богатые чертоги, / Так полюбил я древние дороги / И голубые вечности глаза!» («Старая дорога»).

«Поезд мчался с грохотом и воем, / Поезд мчался с лязганьем и свистом (...) Вот он, глазом огненным сверкая, / Вылетает... Дай дорогу, пеший! / На разъезде где-то, у сарая, / Подхватил меня, понес меня, как леший!» («Поезд»).

Лирический герой Рубцова может быть веселым и грустным, отправляться в путь с удовольствием или по тяжкой необходимости, уходить или возвращаться, идти пешком (чаще всего), ехать на подводе, машине, поезде или пароходе (очень редко в поэзии Рубцова появляются более современные средства передвижения). Но он всегда ощущает движение как необходимость, как судьбу. «Дорога, дорога, / Разлука, разлука. / Знакома до срока / Дорожная мука. (...) Лесная сорока / Одна мне подруга. / Дорога, дорога, / Разлука, разлука» («Дорожная элегия»).

Литературоведы заметили: для рубцовской картины мира характерна не цветовая гамма (здесь он совершенно не похож на Есенина, у него нет ни розового коня, ни голубого пожара), а стихия света. Стихи Рубцова строятся на контрастах света и тьмы, он (и в этом он как раз похож на Тютчева) рисует чаще всего черно-белое мироздание, которое пытается понять, в котором живет, тоскует и томится человеческая душа.

Когда стою во мгле,
 Душе покоя нет, —
 И омуты страшной,
 И резче дух болотный,
 Миры глядят с небес,
 Свой излучая свет,
 Свой открывая лик,
 Прекрасный, но холодный.

(«Ночное ощущение»)

Но та же самая мировая бездна не только страшит, но и вносит в душу покой, примиряет, утешает.

Светлый покой
 Опустился с небес
 И посетил мою душу!
 Светлый покой,
 Простираясь окрест,
 Воды объемлет и сушу..
 О, этот светлый
 Покой-чародей!
 Очарованием смелым
 Сделай меж белых
 Своих лебедей
 Черного лебедя — белым!

(«На озере»)

В одном важном отношении рубцовская картина мира отличается от тютчевского оригинала. Ф. И. Тютчев писал политические «славянофильские» стихи, четко отделяя их от основного лирического творчества. У Николая Рубцова черно-белая картина мира имеет отчетливый национальный колорит. Его мир — это Россия, Русь, прежде всего любимый северный край, который становится метонимией мироздания (здесь он опять делает шаг от Тютчева к Есенину).

«Широко по Руси» свершают свой путь журавли («Журавли»). Русскими у Рубцова оказываются огонек, старая береза, развалины собора, Московский Кремль. «Привет, Россия, родина моя!» — обращается он в одном стихотворении («Привет, Россия...»). «О, Русь — великий звездочет!» — восклицает в другом («Душа хранит»).

В «Видениях на холме» (1962) обращение перерастает в очередное признание в любви и молитву (последняя строчка из этой строфы выбита на надгробном памятнике поэту):

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки, и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!

И первый русский поэт становится у Рубцова зеркалом России, тоже сопоставляется с ней.

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...

(«О Пушкине»)

Несмотря на обилие восклицательных знаков, основной тон лирики Николая Рубцова — тон грусти, печали, уныния. Рубцов, вероятно, самый элегический поэт в русской поэзии XX века. Элегическая интонация и напевность определяют его художественный мир, придают особый колорит темам и мотивам.

Определения *грустный*, *печальный* много раз повторяются в стихах Рубцова, превращают их в задумчивую, меланхолическую мелодию (не случайно позднее многие стихи превратились в песни).

Печальная Вологда дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

(...)

И сдержанный говор печален
На темном печальном крыльце.
Все было веселым вначале,
Все стало печальным в конце.

На темном разъезде разлуки
И в темном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...

(«Прощальное», 1966)

Как у многих настоящих поэтов, у Николая Рубцова тема смерти приобретала личный характер. Подобно Есенину, Высоцкому, он не раз писал о предчувствии собственной трагической судьбы. В одном из его последних произведений образ воображаемой удалой скачки по Ленинграду сменяется символическим путем к гибели:

Мы сваливать
 не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет, тот и правит,
Поехал, так держись!
Я повода оставил.
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы
 и правил,
Да мне дороги нет...

*(«Мы сваливать
не вправе...», 1970)*

Но главным стихотворением поэта стало другое, «Тихая моя родина», где мотивы детства, странствий, возвращения в родные места, смерти, любви и памяти, России слились и переплелись в прозрачную, светлую, тихую — пушкинскую — грусть.

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

*(«Тихая моя родина!..»,
1965)*